

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 18.

15-го Сентября

1873 года.

Содержаніе.— Слово въ день благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго и въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича и Наслѣдника благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича.—Отличительный характеръ евангелія Іоанна.—О молитвѣ.

С Л О В О *)

въ день св. благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича и Наслѣдника Его Благовѣрнаго Государя Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича.

Священное имя благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго переноситъ наше воспоминаніе къ самому тяжелому времени нашего Отечества, ко времени ига татарскаго, нападеній на наше отечество западныхъ сосѣдей и междоусобій нашихъ князей.

Тяжелое было это время. Одно иго татарское было такъ тяжело, что мы наслаждались миромъ подъ мудрымъ и кроткимъ правленіемъ нашего Благочестивѣйшаго Государя, едва ли можетъ представить всю тяжесть его. Отечество наше тогда только начинало

*) Сказано 30-го августа 1873 г. въ Митрофановомъ монастырѣ, при Архіерейскомъ служеніи.

свою историческую жизнь; государственныя основы его еще тогда не сложились... И вдруг напали на него татары—народъ сильный и могущественный, народъ, незнавшій тогда побѣдителя, и все опустошили: города и селы были преданы огню, народъ или истребленъ мечемъ, или обращенъ въ данниковъ татаръ. Какъ тяжело было нашимъ предкамъ, видно изъ того, что они уже ожидали втораго пришествія Христова, что живые тогда завидовали мертвымъ. Двѣстѣ лѣтъ продолжалось это иго, двѣстѣ лѣтъ татары получали съ насъ дань, разѣзжали господами по русской землѣ, опустошая ее. Сколько униженія испытала тогда Русь! Сколько терпѣнія нужно было тогда русскому человѣку! Сколько мудрости должны были имѣть князья, чтобы съ одной стороны не ожесточить могучихъ властелиновъ, съ другой защитить беззащитный народъ отъ ихъ насилія? Сколько трудовъ понесли тогда строители русской земли—трудовъ физическихъ и мукъ нравственныхъ? Вотъ напр. св. Александръ Невскій четыре раза путешествовалъ въ орду, чтобы ходатайствовать за русскій народъ, и умеръ онъ, какъ извѣстно на дорогѣ изъ орды. Видно, не легко было это путешествіе!

И простое сосѣдство такого дикаго и невѣжественнаго народа, каковы были тогда татары, не могло не имѣть вреднаго вліянія на только что начинающееся развитіе юнаго народа? Чѣмъ же могло грозить 200—лѣтнее господство его? Совершеннымъ уничтоженіемъ гражданской его жизни. Что же спасло Русь отъ азіатскаго застоя и оцѣпененія? Все это сдѣлала бр. вѣра христіанская. Она во первыхъ научала смотрѣть на бѣдствіе, какъ на наказаніе Божіе, посланное за грѣхи ихъ, этимъ самымъ побуждала исправлять свою жизнь и такимъ образомъ воспитывала и возвышала нравственный характеръ народа. Далѣе она внушала, что Богъ милосердъ, что Онъ не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ, что, наказавъ мало, помилуетъ много, чрезъ что поднимала духъ народа, не давало впасть ему ни въ уныніе, ни въ отчаяніе. Она возвышала народное самосознаніе: русскіе, сознавая себя христіанами, считали себя выше нечестивыхъ агарянъ; чѣмъ живѣе было это сознаніе, тѣмъ ненавистнѣе иго, тѣмъ сильнѣе желаніе свергнуть его; вѣра христіанская укрѣпляла это святое желаніе, обѣщая мученическіе вѣнцы положившимъ животъ свой въ брани съ нечестивыми агарянами,—и воодушевляемые св. вѣрою русскіе свергли наконецъ ненавистное иго. Это великое бѣдствіе не только не сломило русской жизни, напротивъ укрѣпило ее. Общественныя бѣдствія на христіанскіе народы производятъ такое же дѣйствіе какъ обыкновенное несчастіе на вѣрующаго христіанина, т. е. возвышаютъ и укрѣпляютъ ихъ. Христіанская вѣра не есть система, совокупность извѣстныхъ знаній, понятій, а есть сила Божія, духъ животворящій; христіане получаютъ благодать св. Духа,

немошная врачующую и оскудѣвающая восполняющую; посему христіанскіе народы предназначены Промысломъ Божиимъ къ долгой политической жизни; они будутъ существовать дотолѣ, пока будетъ оживлять ихъ животворящій духъ Вѣры Христовой.

2. Великія бѣдствія испытала Русь съ востока отъ татаръ; но меньшія грозили ей отъ западныхъ сосѣдей. Если первые требовали отъ нихъ дани, то послѣдніе кромѣ дани и присвоенія областей искони русскихъ, добивались искаженія всей русской жизни, навязавъ намъ мечемъ и огнемъ римскую вѣру; съ этою цѣлю, т. е. съ цѣлю подчиненія руси римскому престолу основанъ былъ на нашихъ границахъ орденъ меченосцевъ; съ этою цѣлю проповѣдывались и предпринимались крестовые ходы противъ нашихъ предковъ, каковъ напр. походъ Биргера. Знаменитая побѣда, одержанная убожаемымъ нами нынѣ Великимъ Княземъ, надъ этимъ шведомъ, за которую онъ почтенъ наименованіемъ Невскаго, имѣла вполнѣ религіозное значеніе; потому-то она и была одержана помощію свыше, предстательствомъ св. сродниковъ князя—Бориса и Глѣба. Самы папы, не смотря на то, что жили отъ насъ далеко, не оставляли нашихъ князей въ покоѣ, и часто присылали имъ то льстивыя посланія, обѣщая имъ королевскіе вѣнцы, за принятіе римской вѣры, то грозныя, устрашая ихъ нашествіемъ подчиненныхъ имъ народовъ, въ случаѣ не принятія. Такъ и къ св. Александру Невскому писалъ папа: «слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ и велика земля твоя; поѣтому мы прислали къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ—двоихъ острѣйшихъ—Галла и Гемонда, да послушаешь ученія нашего». Св. Александръ въ отвѣтъ на это льстивое посланіе описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до 7-го Вселенскаго Собора, прибавивъ: «все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ». Твердость нашихъ предковъ въ православіи спасла насъ отъ римскаго ига. Благодаря сему русь свободно и безпрепятственно могла развивать свои нравственныя силы: она не знала и не знаетъ іезуитизма—этой язвы, разъѣдающей современное намъ латинское общество; она не знала ужасовъ инквизиціи, и потому могла развить и дѣйствительно развила высокое чувство вѣротерпимости; она не знала религіозныхъ войнъ, ни борьбы папъ съ императорами, церкви съ обществомъ, борьбы, которая даже до настоящаго времени волнуетъ западное общество.

3. Таковы были бѣдствія Руси отъ враговъ внѣшнихъ. Тяжелы онѣ были; но онѣ еще болѣе увеличивались внутренними неурядицами, междуусобіями князей. Родовыя отношенія князей до того перепутались, что казалось ихъ разобрать было нельзя; междуусобныя войны начинались просто изъ—за-ничъ го, и казалось имъ конца не будетъ; здѣсь мало помогала и мудрость и сила князя;

усобицы коренились въ понятіяхъ народа, въ вѣковыхъ преданіяхъ его. Отъ этой внутренней болѣзни спасла наше отечество церковь Православная. Русь раздѣлена была на множество княжествъ; но сознавала себя единою въ единствѣ церкви. Крамольные князья не смирялись силою оружія, но уступали слезнымъ моленіямъ своихъ пастырей, смирялись предъ грозною силою церковнаго отлученія; не довѣряли ни слову, ни клятвѣ великихъ князей, но вѣрили ручательству митрополита и всего священнаго собора. Такимъ образомъ церковь православная являлась умиротворительницею внутреннихъ мятежей, хранительницею земли русской, собирательницею единенія земли русской. Въ исторіи этого собиранія имена святителей занимаютъ такое же видное и почетное мѣсто, какъ и имена великихъ князей. Такъ бр. создалось наше великое государство силою вѣры православной, молитвами св. церкви. Благочестіе нашихъ предковъ—вотъ камень, на которомъ оно основано, сила, которую оно укрѣплялось и возвышалось.

Думаемъ ли бр., что эта сила нужна была въ темные средніе вѣка, а въ наше образованное время не нужна, или можетъ быть замѣнена другою какою либо силою, напр. вѣра—мудрыми законами благочестіе—наукою, образованіемъ. Но мудрые законы прилагаютъ къ жизни тѣже люди; а гдѣ люди, тамъ и страсти. Увы! опытъ показываетъ, какъ ловко люди въ угоду своимъ страстямъ умѣютъ обходить законы самые строгіе, самые предъусмотрительные! Увы! и намъ иногда приходится говорить съ предками: законы святы, но исполнители—лихіе супостаты. Наука также не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать человѣка добрымъ. Сдѣлать его любезнымъ, обходительнымъ, дать ему виѣшній доскъ она можетъ,—но сдѣлать сердце его чистымъ и прямодушнымъ, вѣрнымъ и твердымъ,—все это совершается только при помощи тихой перерождающей силы Вѣры. Увы! сколько было и такихъ ученыхъ, которые прославили человѣчество своими открытіями,—но нравственностію своею опозорили его, не сдѣлали ему чести. Недавно мы были свидѣтелями того, какъ государство, имѣвшее все, чтобы стоять во главѣ другихъ государствъ, и прекрасные законы, и самоуправленіе, и высокое умственное образованіе—подверглось ужаснымъ бѣдствіямъ, потому только, что люди, нравившіе имъ не имѣли въ душѣ страха Божія, не были воспитаны во благочестіи. Читая исторію этого печальнаго времени; удивляешься какъ эти люди благородные обманывали общество, какъ эти люди образованные запятнали себя такими грубыми пророками (какое взяточничество, казнокрадство) и когда же? Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ! Значитъ ни благородство, ни образованіе не спасаютъ человѣка отъ преступленій а вмѣстѣ съ симъ и отъ бѣдствій; ибо всякое преступленіе есть бѣдствіе. Спасаетъ общество отъ преступленій только сила вѣры и

духъ благочестія. Другой примѣръ. Что можетъ быть ненавистиѣ рабства? Однако благочестіе и вѣра умѣли смягчать это иго до того, что рабы даже не чувствовали его. Припомните Авраама и слугу Еліезера. Отношенія между ними напоминаютъ скорѣе отношенія друзей, чѣмъ отношенія раба и его господина. Такъ, благочестіе дѣлаетъ и дурные законы безвредными, а безъ благочестія и прекрасные законы не достигаютъ своей цѣли.

Сего дня мы собрались, братія, принести Господу Богу моленія и благодаренія о царѣ своемъ. Молитесь о царѣ значитъ молиться о благоденствіи Его царства.

Возблагодаримъ же Господа за то что всё величія преобразованія нашего всеимлостивѣйшаго Государя уничтоженіе крѣпостнаго права, преобразование нашихъ судовъ, развитіе средствъ народнаго образованія и пр. запечатлѣны духомъ вѣры и благочестія; въ нихъ мы видимъ осуществленіе, на сколько возможно для нашего времени, евангельской милости и правды, исполненіе молитвъ и воздыханій св. церкви.

Будемъ молиться, чтобы этотъ духъ вѣры и благочестія никогда не оскудѣвалъ въ нашемъ отечествѣ, чтобы всё мы—и великіе и малые—преусиѣвали болѣе и болѣе въ благочестіи и вѣрѣ.

Благочестіе на все полезно, учитъ св. Апостоль, обътованіе и муче живота нынѣшняго и грядущаго. Основанія инаго для благосостоянія какъ для церкви такъ и государства никтоже можетъ положить паче лежащаго, еше естъ Исусъ Христосъ (Тим. 4, 8; 1 Кор. 3, 10, 11.).

И такъ къ Нему наша молитва: Господи! спаси Царя и благослови Его Царство! Аминь.

М. И. Н—въ.

Отличительный характеръ

Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

б) По различаясь съ тремя первыми евангеліями во внутреннемъ складѣ, записанныхъ ими рѣчей Исуса Христа, въ характерѣ ихъ содержанія,—евангеліе Іоанна гораздо болѣе представляетъ собою особенностей во внѣшней ихъ формѣ,—въ самомъ изложеніи. Въ послѣднемъ отношеніи евангелистъ Іоаннъ является вполне оригинальнымъ повѣствователемъ и представляетъ собою единст-

венный, неподражаемый примѣръ въ области повозавѣтной, евангельской письменности. Какъ въ простой, исторической части своего творенія онъ вездѣ сохраняетъ возвышенный законъ яснаго раздѣленія и прекраснаго сочлененія всей своей богатой матеріи, такъ точно поступаетъ онъ и въ дѣлѣ записи рѣчей и бесѣдъ Иисуса Христа. Онъ не отдѣльно и отрывочно располагаетъ ихъ на ряду съ другими извѣстными историческими обстоятельствами жизни Спасителя, что между прочимъ находимъ мы въ первыхъ трехъ евангелистахъ, но группируетъ ихъ такимъ образомъ, что во всемъ ходѣ рѣчей мы видимъ одну индивидуальную точку зрѣнія апостола, которая дѣйствительно вполне выясняетъ собою ту высшую задачу евангельскаго дѣла, которую апостолъ поставилъ себѣ еще въ началѣ и привелъ къ одному высшему знаменателю ея: *да въруете яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій и да върующе живите имате во имя Его.* (Іоан. XX, 31). При этомъ живость и наглядность, съ какими Іоаннъ излагаетъ всѣ разнообразныя рѣчи Иисуса Христа, сообщаетъ этимъ послѣднимъ такую неувядаемую красоту, натуральность, что въ нихъ не только живо видится какъ бы Самъ говорящій Господь, но слышатся даже самый могивъ этого сказаннаго во всѣхъ тѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ Его земной жизни, въ какихъ паходился Онъ, вращаясь въ кругу самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ людей. Такъ разговоръ Иисуса Христа съ Никодимомъ (Іоан. III, 1—21) показываетъ намъ самый блистательный образъ того, какъ Иисусъ Христосъ обыкновенно бесѣдовалъ съ ученѣйшими и знаменитѣйшими іудеями о своемъ божественномъ достоинствѣ и превосходствѣ своей всемогущей творческой силы. Затѣмъ слѣдующая глава—четвертая—отъ 5—42 представляетъ намъ еще лучшую возможность узнать, какъ Господь велъ иногда бесѣду съ людьми даже самыми незначительными и при томъ такъ простодушно, съ такою святою прямою снисходилъ съ высоты своего божественнаго величія къ людямъ даже презрѣннымъ (каковыми считали, примѣрно іудеи Самарянъ), и такъ мгновенно привлекалъ ихъ къ собственному своему величію.

Далѣе, V, и VI гл. представляютъ намъ самый образъ ученія Богочеловѣка, какимъ Онъ обыкновенно передавалъ свои божественныя откровенія людямъ. Здѣсь евангелистъ Іоаннъ повсемѣ свѣтъ обнаруживаетъ, какъ Иисусъ Христосъ истины, которыхъ не въ состояніи былъ объять цѣлый міръ,—могъ сообщать своимъ слушателямъ съ самою возвышенною ясностію и свѣтлостію; а также, какъ всесторонне разбиралъ Онъ всѣ трудныя возраженія и вопросы, какими постоянно встрѣчали и ловили Его книжники и фарисеи и какъ блистательно Онъ рѣшалъ ихъ, заставляя ихъ, силою своего божественнаго слова, не рѣдко молчать и отходить посрам-

ленными, — все это так живо представляют намъ показанныя мѣста евангелія, что мы невольно должны были удивляться тому высокому гениальному искусству Іоанна, съ какимъ воспроизвелъ онъ все это въ своемъ твореніи.

Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ вполнѣ возвышеннымъ искусствомъ Іоанна, какое отразилось въ его изображеніи прощальной бесѣды Иисуса Христа съ учениками, торжественнаго приготовления Его къ смерти и первосвященническаго ходатайства, въ которомъ выразилось столько внутренняго прославленія Господа! — Здѣсь — въ этой вѣчной скорби божественной любви, обреченной Себя на величайшую жертву и обремененной предстоящими мученіями возгорается такой жаръ рѣчи, какой не можетъ быть еще возвышеннѣе, и такая высочайшая надежда, при такой напряженной, усиленной борьбѣ духа, не можетъ быть такъ тверда, увѣренна, какая выразилась въ возвышенной молитвѣ Спасителя, полной высочайшей преданности, искренности, сердечности, при обращеніи Его къ Небесному Отцу! «Если бы мы не владѣли этимъ евангеліемъ, говоритъ одинъ нѣмецкій ученый ⁹⁰⁾, то мы никогда не узнали бы совершеннѣйшаго образца рѣчей и бесѣдъ Спасителя. Мы не могли бы представить себѣ всего богатства тѣхъ разнообразныхъ оттѣнковъ этихъ послѣднихъ, какія такъ живо сохранены и такъ вѣрно записаны евангелистомъ Іоанномъ». Наконецъ, что касается изображенія божественной жизни и дѣятельности Предвѣчнаго Слова, то и въ этомъ отношеніи евангеліе любимаго ученика Господа представляетъ такую же рѣзкую особенность сравнительно съ изображеніемъ трехъ первыхъ евангелистовъ, какъ и въ записи и внутреннемъ складѣ рѣчей и бесѣдъ Иисуса Христа. Мы сказали выше, что въ первыхъ трехъ евангеліяхъ не самая личность Богочеловѣка составляетъ исключительный предметъ ихъ повѣствованій, но преимущественно совершенныя имъ дѣла, то у Іоанна изображеніе личности Иисуса Христа принимаетъ неоспоримо возвышеннѣйшее положеніе, такъ какъ воплощенное слово есть центръ всего евангельскаго его строя. Здѣсь Иисусъ Христосъ представляется не какъ священный, чудодѣйственный только пророкъ, — посредникъ между Богомъ и людьми, подобно пророкамъ древнѣйшимъ; не призывающимъ только къ царствію Божію и любви къ вѣчной Его правдѣ, но есть воплощенное слово, само открывающее свѣтъ и истинну, воскресеніе и жизнь. Въ повѣствованіяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ Иисусъ Христосъ какъ бы укладывается отъ открытаго извѣщенія о Себѣ; тамъ Онъ только подѣ

конецъ своего общественнаго служенія рѣшился въ первый разъ спросить своихъ учениковъ, за кого они Его считаютъ, и сложилъ ли кто либо изъ нихъ опредѣленное о Немъ понятие послѣ ихъ продолжительной съ Нимъ жизни, и когда апостоль Петръ сказалъ, что «Ты—Христосъ», то Господь, хотя и подтвердилъ такое открытое исповѣданіе своего ученика, однако въ то же время и *запрети имъ*, какъ повѣствуетъ св. Маркъ, *да никому же глаголютъ о немъ* (Марк. VIII, 29 ст.). Между тѣмъ совсѣмъ иначе повѣствуетъ евангеліе Іоанна. Здѣсь Іисусъ Христосъ представляется открывающимъ свое Божественное происхожденіе и внутреннее достоинство на каждомъ шагу своего общественнаго служенія. Такъ съ самаго же начала Онъ открывается своимъ ученикамъ и отдается имъ съ полнымъ довѣріемъ. Равнымъ образомъ и апостолы—по евангелію Іоанна, съ первой же встрѣчи привѣтствуютъ Господа, какъ Мессію, какъ Сына Божія, какъ царя Израильскаго и при томъ такъ, какъ и Самъ Онъ училъ о Себѣ во все послѣдующее время своего общественнаго служенія. При томъ же надобно замѣтить еще и то, что у Іоанна Іисусъ Христосъ открываетъ себя не исключительно только въ кругу своихъ учениковъ, но всѣмъ и всѣхъ одинаково: Самарянкѣ Онъ точно также открывается, какъ и Никодиму; народу, — и фарисеямъ, даже гораздо болѣе;—тамъ Онъ выдавалъ Себя только за Мессію, тогда какъ фарисеямъ прямо объявлялъ Себя Сыномъ Божиимъ, который съ отцемъ одного существа, вѣчно въ Отцѣ пребывающій какъ и Отецъ въ Немъ.

(Продолженіе будетъ).

О М О Л И Т В Ъ.

I. Молитва, какъ стремленіе и возношеніе нашего духа къ Богу и бесѣда съ Богомъ, есть необходимая, естественная потребность нашего духа. Богоподобному духу нашему также свойственно стремиться горѣ—(къ небу) къ источнику своего бытія и первообразу своему—Богу, какъ тѣламъ вещественнаго міра, тяготеетъ къ землѣ-средоточію своему, какъ растеніямъ и цвѣтамъ свойственно обращаться къ свѣту, который ихъ питаетъ и развиваетъ. И—это *восхожденіе къ Богу въ сердцѣ* нашемъ *положилъ* Самъ Онъ—Творецъ нашъ; это *теченіе* жизни нашей *въ животѣ* *вѣчный* провелъ (Ев. Іоан. 4, 14) и направилъ Его перстъ зиждительный. И здѣсь-то лежатъ основанія и начатки молитвы, какъ возношенія духа нашего къ Богу; здѣсь-то основаніе, почему мо-

литва къ Тому, Кто вдунулъ въ насъ дыханіе жизни также (Быт. 2, 7), сродна и необходима для жизни нашего духа, какъ необходимо вдыханіе воздуха для жизни тѣлеснаго состава. А потому непрекаемая истина: кто не имѣеть молитвы, тотъ бездыханенъ по духу. Живеть и здоровъ духомъ, по сходству съ жизнью и здоровьемъ тѣла, тотъ, кто чувствуетъ позывъ на пищу и питіе Тѣла и Крови Христовой, имѣеть эту алчбу и жажду святую, и удовлетворяеть сей алчбѣ и жаждѣ чрезъ причащеніе Св. Таинъ, чувствуетъ охотность къ движенію *на дѣла благая, да въ нихъ ходитъ по широтѣ заповѣдей Господнихъ*, (Еф. 2, 10) и кто имѣеть дыханіе молитвы, и-дыханіе легкое и свободное. Напротивъ, у кого нѣтъ этого движенія—на дѣла благая, и этой алчбы и жажды, у кого и самое дыханіе молитвы трудное и тяжелое,—тотъ нездоровъ, боленъ духовно. А у кого вовсе нѣтъ и самаго даже дыханія молитвеннаго, кто живеть безъ молитвы, тотъ мертвъ духомъ, бездыханенъ.—Молитва-это вервь, связующая насъ съ Богомъ и небомъ. У кого прервана эта вервь, тотъ отторгся отъ Бога и неба.

Такъ необходима для насъ, такъ естественна молитва! Но она и въ другомъ отношеніи необходима и нравственна, какъ высочайшая обязанность и святѣйшій долгъ нашъ. Вложивъ стремленіе молитвенное въ естество наше, Господь, вмѣстѣ, и обязуетъ насъ къ тому, требуетъ отъ насъ молитвы. И этотъ долгъ, это требованіе заключены и, какъ въ сѣмени, завиты даже въ первой заповѣди, Богомъ данной: *возлюбиши Господа Бога твоею*. Матѣ. 22, 37. Здѣсь, въ любви,—уже заключены стремленіе и возвышеніе нашего духа къ Богу. Иначе и быть неможетъ. Любить Бога, и—не возноситься, не стремиться къ Нему духомъ—невозможно: гдѣ любовь, тамъ и стремленіе; гдѣ нѣтъ стремленія, нѣтъ и любви. Въ этой главной, начальной заповѣди Господней о любви заключена не только заповѣдь о молитвѣ, но и заповѣдь о непрестанной молитвѣ, возвѣщенная потомъ чрезъ Апостола: *непрестанно молитесь—молящися на всяко время духомъ*. (1 Сол. 5, 17.) Ефес. 6, 18.). Ибо заповѣдь повелѣваетъ намъ не просто любить Бога, а любить Его всею душою, всѣмъ сердцемъ, всею мыслию и крѣпостію (Матѣ. 22, 37.) т. е. любить Его всегда и отъ всей силы души, значить и—стремиться къ Нему любящимъ духомъ, всегда и непрестанно: какъ непрестанна любовь. Потому заповѣди: *возлюбиши Господа Бога всею душою*, и: *молитесь на всяко время духомъ*—заповѣди, одна другую предполагающія, и одна къ другой ведущія.

Такимъ образомъ, молитвы требуетъ отъ насъ долгъ любви

но чаще, видѣть ихъ; подобно этому и любящій Бога жаждетъ молитвеннаго свиданія съ Нимъ, желаетъ предстать, явиться лицу Его и засвидѣтельствовать чрезъ то свою любовь къ Нему, зависимость отъ Него и свою покорность Ему. Кромѣ того, — и самыя даже неразумныя твари славятъ Бога, имъ свойственнымъ образомъ; не только небеса *повѣдаютъ славу Божию*, — *твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь*, но въ этомъ не рукотворенномъ Его храмѣ природы, — *всякій предметъ, всякая тварь*, по слову Пророка, *глаголетъ славу* (Псал. 108, 6.) Его — Творца своего. Можно ли же человѣку, который носитъ на себѣ образъ Бога своего, одаренъ, умомъ, способнымъ познавать величіе Его, и сердцемъ, исполненнымъ стремленія къ Нему, — можно ли не возносить ко Господу молитвы хвалы и славословія? Иначе, онъ будетъ ниже самыхъ неразумныхъ тварей и нарушителемъ священнѣйшаго долга своего.

Притомъ, во всю свою жизнь, мы каждую минуту осыпаны благодѣяніями и дарами Божиими — духовными и вещественными, такъ сказать, погружены въ нихъ. Отъ этого обилія, отъ этой непрерывности благъ, щедрою десницею Божию намъ подаваемыхъ, мы большею частію, и не признаемъ ихъ благами жизни, не цѣнимъ ихъ, потому что многія изъ нихъ непрерывны и общи всѣмъ намъ. Такъ, мы не цѣнимъ духовныхъ даровъ, во святыхъ таинствахъ Церкви нами получаемыхъ, и даровъ Божіихъ, въ природѣ вещественной намъ подаваемыхъ, — на примѣръ, чистаго воздуха и свѣта: но они — эти дары — не перестаютъ отъ того быть благами и благодѣяніями нашего Творца и Спасителя. Можно ли не возносить Ему — щедродателю, молитвы благодаренія, и непрестаннаго благодаренія, какъ непрестанныя благодѣянія и дары Его? Каждое дыханіе наше должно быть проникнуто благодарностію къ Богу, о *коемъ живемъ, движемся и есмь*.

Далѣе, — сколько у насъ нуждъ и недостатковъ, для выполненія и восполненія которыхъ намъ надобно прибѣгать къ Господу Богу съ молитвою и прошеніями! Безъ Бога, безъ Божіей помощи, самъ человѣкъ, каждый человѣкъ — весь нужда и недостатокъ. Какъ всевѣдущій и всещедрый, Господь, и безъ прошеній, и прежде прошеній нашихъ, знаетъ наши потребности и нужды, и готовъ удовлетворять имъ, во благо наше; но, какъ Премудрый и Правосудный, дающій свои дары туне (даромъ), но не вотще (напрасно) и безъ разбора, — Онъ, по многимъ причинамъ, положилъ, что бы мы чрезъ прошенія принимали отъ Него дары и помощь. *Просите, и дастся вамъ*. (Матѣ. 7, 7). И если мы не имѣемъ чего добраго, то потому особенно, что не просимъ. *Не имате, зане* (потому что) *не просите*. (Іак. 4, 2). Такъ, во всѣхъ недостаткахъ и

нуждахъ нашихъ будемъ прибѣгать къ молитвѣ и съ нею обращаться къ Богу. Молитва—это ключъ отъ сокровищницы всѣхъ благъ небесныхъ, отъ самаго всемогущества Божія. Этимъ ключемъ Илія, человекъ, по слову Апостола, *подобострастный намъ*, затворялъ и отворялъ небо. *Илія человекъ бы подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь: и не одожди на земли лѣта три и мѣсяцъ шесть, и пакы помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой.* (Іак. 5, 17). Конечно, Илія былъ великій угодникъ Божій, котораго молитва много можетъ (имѣеть великую силу) у Бога; но Апостолъ, приводя его въ примѣръ молитвы, и называя человекомъ подобострастнымъ намъ, внушаетъ намъ мысль и дерзновеніе—прибѣгать съ прошеніями къ Богу о самой даже перемѣнѣ порядка природы и обстоятельствъ жизни во благо наше. Такъ, постигаютъ ли тебя разныя бѣдствія, скорби и напасти,—прибѣгай съ молитвою къ Богу:—молись, да не увидеши въ напасть. Усердная молитва отвратитъ бѣдствія, со дна моря подниметъ. (Матѳ. 26, 41). Молитва Іону пророка извела изъ чрева китова, Данила—изъ рова львиного, трехъ отроковъ сохранила въ печи горячей, и ихъ прославила. Она и насъ избавитъ отъ всѣхъ скорбей и напастей, или сдѣлаетъ ихъ легкими и удобопереносимыми.—Есть многія добрыя и естественныя средства къ разогнанію скорбей и болѣзней душевныхъ; есть даже наука, или часть науки врачебной, которая предписываетъ способы врачеванія болѣзней душевныхъ. Бываютъ, однакожь, болѣзни и скорби у души человекъ, которыхъ никакая наука, никакія средства излечить не могутъ. Но и въ скорбей, которыхъ не уврачевала бы усердная молитва, отъ всей души. Св. Церковь православная имѣетъ и предлагаетъ намъ даже особенную для этого молитву,—это, такъ называемый *«канонъ молебный къ Богородицѣ, поемый во всякой скорби душевной и обстоянн»*. Врачество, церковію предлагаемое, не можетъ быть не надежнымъ и божественнымъ, если только, какъ должно, будемъ употреблять его. Вообще, ни въ какихъ обстоянняхъ и бѣдствіяхъ жизни, не будетъ подавленъ скорбію, не упадетъ духомъ тотъ, кто усердно и часто возноситъ молитву къ Богу: молитва, какъ вервь, прикрѣпляетъ духъ его къ небу; и-какая, самая даже мрачная и тяжкая скорбь, не разсѣется вскорѣ, когда человекъ молитвенно предстаетъ лицу Божію и стоитъ во свѣтѣ Его?

Молитва, усердная молитва сохранить насъ во дни и ночи, въ дому и на пути, на морѣ и войнѣ, во всякой опасности и бѣдѣ; помочь въ благомъ предпріятіи и трудѣ, наставить въ недоумѣніяхъ неудоборѣшимыхъ, неизбѣжныхъ въ жизни.

Есть у насъ, есть вообще у всѣхъ, невидимые и злѣйшіе враги. Это всегдашніе, непримиримые враги спасенія нашего—духи которые непрестанно ставятъ намъ сѣти и строятъ козни спасенію душъ нашихъ. Противъ сихъ-то враговъ молитва, съ вѣрою и упованіемъ на помощь Божію соединенная—самое лучшее оружіе и щитъ.—Мы всѣ, почти всякій изъ насъ, каждый день, каждый часъ, многократно согрѣшаетъ предъ Богомъ, если не самымъ дѣломъ; то мыслию и словомъ: какъ же не взывать намъ, часто и многократно, къ Господу о помилованіи,—какъ не говорить устами и сердцемъ: Господи помилуй!

Столь необходима намъ молитва во всѣхъ видахъ ея: *моленія, прошенія, благодаренія, славословія* и исповѣданія любви и преданности нашей къ Богу! (Тим. 2, 1).

Молитва наша, и сама по себѣ, есть уже величайшее благо. Она возвышаетъ, просвѣщаетъ, и освящаетъ духъ нашъ,—благоустроиваетъ все наше существо и жизнь;—при ней и печали наши не будутъ мрачны и убійственны, и радости не будутъ возмущенны, буйны и перадажны. Молитва вводитъ насъ въ общеніе съ Богомъ—источникомъ всякаго блага, благоустроенія и совершенства, которое не можетъ не сообщаться, въ нѣкоторой мѣрѣ, и намъ, всему нашему существу. Молитва вводитъ насъ, говоримъ, въ общеніе съ Богомъ, потому что, когда мы приближаемся молитвою къ Богу, тогда Онъ приближается къ намъ Своею любовью и благодатию, вступаетъ въ общеніе съ нами. Какъ любовь и первообразъ, благоволящій къ Своему образу въ насъ, Онъ есть *Богъ приближайся, а не Богъ издалеча*, по слову Его;—и желаетъ, съ нашей стороны, только соответствія Его обращенію къ намъ. Одно уже то, что молитва есть собесѣдованіе съ Богомъ—Царемъ земли и неба, Владыкою вселенной—какая честь для молящагося! Это—ангельская честь, ангельское занятіе! *).

Потому, безъ противорѣчія истинѣ, можно сказать, что лучше человѣку не видѣть солнца, нежели не молиться истинному и вѣдомому Богу. Солнце освѣщаетъ предметы міра вещественнаго; его

*) Чтоже сказать отъѣхъ высокихъ таинственныхъ степеняхъ молитвы, когда человѣкъ, полагая болѣе и болѣе, *восходитъ въ сердце* своею, чрезъ молитву погружается въ Бога, и Богъ водворяется въ него, когда въ молитвенномъ устремленіи горѣ, весь составъ человѣка подымается отъ земли, или объемется свѣтомъ и огнемъ небеснымъ, какъ это бывало съ великими подвижниками молитвы? Это—состоянія особенныя, чрезвычайныя и неизреченныя.

свѣтъ видятъ животныя и насѣкомыя; а молитва приводитъ насъ къ солнцу духовному—Богу, и озаряетъ свѣтомъ Его: этотъ свѣтъ доступенъ только Ангеламъ и человѣкамъ. Потому, молитва драгоценнѣе видѣнія солнечнаго свѣта. Опытнѣе подтвердили и подтверждаютъ эту истину тѣ великіе мудрецы жизни, ублажаемые на землѣ и на небѣ, подвижники благочестія христіанскаго, *затворниками* именуемые, которые добровольно лишили и лишаютъ себя видѣнія солнечнаго свѣта, въ своихъ затворахъ, дабы болѣе и удобнѣе наслаждаться свѣтомъ молитвы.

Безъ благодати Божіей не можетъ быть у насъ ни одной истинно-христіанской добродѣтели, никакого добра, а безъ молитвы не придетъ къ намъ благодать Божія, тѣмъ болѣе не можетъ обитать въ насъ и сохраняться.—Безъ молитвы,—не обучивъ себя къ ней здѣсь, не воспитавъ духа ея въ себѣ и не навывкнувъ къ ней, человѣку нельзя вступить на небо и обитать въ немъ,—какъ вовсе туда негодному и неспособному къ небесной жизни: потому что небесная жизнь, самое существо ея—молитва. И въ Церкви Христовой торжествующей, въ царствѣ славы, не прекратится молитва. Прекратятся молитвы просительныя, престанутъ моленія: *Господи помилуй*, и:—*подай Господи!* но молитва благодаренія и славословія: *Аллилуія, слава Тебѣ, Боже*,—тамъ еще болѣе возрастеть и восторжествуетъ. И потому, кто еще не имѣетъ и начатковъ молитвы,—не вступить туда, гдѣ полнота и торжество ея, не войдетъ во святилище, не вступивъ въ преддверіе.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЕ.

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ЛИХОРАДКИ.

Въ газетѣ „Другъ Народа“ опубликовано слѣд. средство для излеченія лихорадки: Взять и сибшать по равной части: 1) ромашку, 2) бузиновый цвѣтъ, 3) липовый цвѣтъ, 4) мяту, 5) центурію, 6) валеріану и 7) айрный корень. Этой смѣси взявъ двѣ столовыя ложки и положивъ въ чайникъ, налить тремя стаканами кипяченой водой и настоять какъ чай; потомъ процѣдить и принимать холодное три или четыре раза въ день по малому стѣ.

каву, во время свободное от лихорадки, то есть, если лихорадка повторяется чрезъ день, то пить настой въ тотъ день, когда ея нѣтъ; если же лихорадка ежедневная, то пить ее съ того момента, когда пройдетъ ознобъ и жаръ.

Это средство окончательно излечиваетъ въ нѣсколько дней самую упорную лихорадку, а во всѣхъ другихъ родахъ лихорадокъ значительно и скоро ослабляетъ ихъ дѣйствіе на больного. Во время леченія можно ѣсть все, исключая незрѣлыхъ фруктовъ, дынь, арбузовъ; другіе же фрукты въ маломъ количествѣ не вредны.

Редакторы: { Прот. **Ө. Никонъ**.
Свящ. **І. Адамовъ**.

(Печатается въ будущемъ)

НОВАСТІЯ

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ЛИХОРАДКИ.

Въ газетѣ "Другъ Народъ" опубликовано слѣдующее средство для излеченія лихорадки: Вѣтъ и свѣжата по равной частн: 1) ромашку, 2) душистый перецъ, 3) липовый цвѣтъ, 4) мяту, 5) ленъ, 6) зверыинку и 7) вѣрный корень. Стой смѣсь вѣтъ вѣтъ вѣтъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **И. Палицынъ**.
и атамановъ этого Сентября 14-го дня 1873 года.
Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейной**.